

18+

Александр Игин

Парад обстоятельств

Мои комнаты

Александр Игин
Парад обстоятельств.
Мои комнаты

<https://litres.ru/74374954>

ISBN 9785007104999

Аннотация

Роман о хрупкости разума во враждебной вселенной. Эдуард Русов, аспирант-астрофизик, выводит формулу: человечеству осталось три года до точки невозврата. Но мир не слышит цифр — он смеётся. Тогда Эдуард создаёт движение «Колыбель паникёров». Через литературу и архив памяти он пытается превратить неизбежный конец в акт достоинства. Удастся ли оставить след, который переживёт гибель планеты? Это история о том, что разум — не дар, а ответственность,

Содержание

Пролог	5
Глава первая	11
Глава вторая	26
Глава третья	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Парад обстоятельств

Мои комнаты

Александр Игин

© Александр Игин, 2026

ISBN 978-5-0071-0499-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Представьте себе очередь. Бесконечную очередь, которая тянется через всю Галактику, извиваясь среди звёздных скоплений и чёрных дыр, огибая туманности и пересекая пустоты межгалактического пространства. В этой очереди стоят не люди — стоят планеты. Каждая планета — это живое существо, которое ждёт своей очереди, чтобы стать разумной. Но очередь движется медленно, потому что большинство планет так и не доходят до прилавка. Они теряются по пути, их поглощают случайности, их сжигают звёзды, их замораживает космический холод. И только изредка, раз в миллиард лет, какая-то планета подходит к прилавку и получает шанс. Шанс стать домом для разума.

Но разум — это не награда. Это испытание. И большинство планет проваливают его. Они получают разум, но не получают мудрости. Они строят цивилизации, но не строят устойчивости. Они изобретают огонь, колесо, атомную энергию, интернет — и на каждом шагу спотыкаются о собственные ошибки. Маленькие, будничные, незаметные ошибки, которые складываются в гигантскую стену, о которую разбиваются все их надежды. И тогда планета уходит из очереди, уступая место следующей. А вселенная продолжает молчать, потому что тишина — это не отсутствие жизни, а отсутствие выжившего разума.

Мы привыкли думать, что молчание космоса — это тайна. Мы ищем братьев по разуму, строим радиотелескопы, отправляем зонды, слушаем эфир в надежде услышать хоть один сигнал. Но сигнала нет. Потому что те, кто мог бы его послать, либо ещё не родились, либо уже умерли. И мы, стоящие в очереди, не знаем, сколько нам осталось. Мы думаем, что мы — исключение. Что мы — те самые счастливики, которые дойдут до конца. Но статистика говорит об обратном.

Статистика — это холодная женщина, которая не верит в чудеса. Она оперирует цифрами, вероятностями, коэффициентами. И если перемножить все вероятности того, что жизнь зародится, что она станет сложной, что она породит разум, что разум не уничтожит себя в первый же век, что он сможет колонизировать другие миры, — то на выходе получится число, близкое к нулю. Не потому что мы уникальны, а потому что удача — это редкий гость в бесконечной вселенной.

Но удача — это тоже не случайность. Удача — это парад обстоятельств. Цепь событий, каждое из которых по отдельности маловероятно, но в сумме они дают шанс. Шанс на жизнь, на разум, на цивилизацию. Мы — результат такого парада. Мы — редкий выигрыш в лотерее, где билетов больше, чем атомов в наблюдаемой вселенной. И мы должны быть благодарны этому параду. Но мы не благодарны. Мы просто живём, как будто, так и должно быть.

Эдуард Русов был одним из тех, кто понял это. Он был аспирантом, писал диссертацию о том, как зарождается и гибнет жизнь во вселенной. Он изучал уравнение Дрейка, перебирал его множители, пытался понять, где мы находимся в этой бесконечной очереди. И однажды, глубокой ночью, когда за окном шёл снег, а в его голове шли расчёты, он увидел ответ. Не в цифрах — в интуиции. Он понял, что мы не одни, но мы — одиноки. Что жизнь — это массовое производство, дешёвое и распространённое, как плесень на сыре. А разум — это штучный товар, с браком, с ограниченным сроком годности, который почти всегда ломается до того, как его успевают использовать.

Он увидел, что гибель цивилизации — это не взрыв. Это не астероид, не война, не чума. Это длинная очередь из мелких, будничных, незаметных ошибок. Каждая ошибка по отдельности — пустяк. Чуть больше углекислого газа в атмосфере. Чуть меньше лесов на планете. Чуть больше микропластика в океане. Чуть меньше доверия между людьми. Чуть больше шума, чуть меньше тишины. И все эти пустяки складываются в итоговое число. Число, которое говорит: «Вы не прошли тест». И тогда планета уходит из очереди, уступая место следующей.

Но Эдуард не хотел уходить. Он хотел остановить эту очередь. Он хотел крикнуть всем, кто стоял рядом: «Оглянитесь! Вы видите, что происходит? Вы видите, как мир умирает? Вы видите, что каждый ваш день — это шаг к пропа-

сти?» Он хотел, чтобы они поняли. Чтобы они проснулись. Чтобы они перестали быть статистами в этом параде обстоятельств.

Но они не понимали. Они смеялись. Они говорили, что он паникёр. Они предлагали ему создать партию «Паникёров» и идти на выборы. Они превращали его тревогу в шутку, его науку в цирк, его правду в кривое зеркало. И Эдуард понял, что если он хочет быть услышанным, он должен говорить на другом языке. Не языке цифр и формул, а языке искусства, смеха, литературы. Языке, который проникает в душу, обходит защиту рациональности, касается самых глубоких струн.

Он начал писать. Сначала рассказы, потом пьесы, потом книги. Он создал движение «Колыбель паникёров» — место, где люди могли не бояться признаться в своём страхе. Где они могли танцевать, даже когда музыка затихала. Где они могли свидетельствовать, даже когда никто не слушал. Он стал голосом тех, кто понял, что конец близок, но кто не хотел уходить без следа.

Этот роман — его свидетельство. Это история о том, как один человек пытался остановить апокалипсис, который уже начался. Как он боролся с равнодушием, с насмешками, с политикой, с самой природой. Как он любил, терял, находил и снова терял. Как он танцевал на краю пропасти и учил других танцевать. Это история о том, что разум — это не дар, а ответственность. И что мы, стоящие в очереди, можем выбрать не конец, а след.

Но след — это тоже парад обстоятельств. След — это когда твоя жизнь оставляет отпечаток в структуре бытия. Когда твой голос становится эхом, которое летит через галактики, касаясь других очередей, других ожиданий. Когда твоя любовь превращается в музыку, которую слышат даже те, кто ещё не родился.

Эдуард верил в это. И он оставил свой след. Он оставил книгу, которую вы держите в руках. Книгу о том, как стоять в очереди и не ждать. Как танцевать, даже когда музыка затихает. Как свидетельствовать, даже когда никто не слушает. И как прощаться, даже когда прощание кажется вечным.

Это не роман о конце света. Это роман о том, что конец — это всегда начало. Начало нового эха. Начало нового парада обстоятельств. И если ты прочитаешь эту книгу до конца, ты поймёшь, что очередь никогда не заканчивается. Она просто переходит в другое измерение. Измерение, где разум не умирает, а становится частью вселенской памяти.

Добро пожаловать в «Парад обстоятельств». Добро пожаловать в очередь, где каждый шаг — это выбор. И где каждый выбор может изменить всё.

«Жизнь оптом, разум поштучно. Похоже, жизнь во Вселенной — продукт массовый и дешёвый, а долгоживущий технологический разум идёт штучным тиражом, неохотно и почти всегда с заводским браком. Мы — редкий экземпляр, который ещё дышит. Но дышит ли он завтра? Это зависит

от парада обстоятельств, который мы создаём сами».

Из дневников Эдуарда Русова

Глава первая

Формула одиночества

Эдуард Русов сидел в прокуренном полуподвале на улице Вавилова, где пахло старыми книгами, машинным маслом и отчаянием. За окном — так, высоко, над уровнем его головы — серое московское небо наливалось свинцом, готовясь к привычному ноябрьскому дождю, который не приносит ни очищения, ни надежды.

Он смотрел на экран ноутбука, где строка за строкой выстраивалась его диссертация. Работа называлась *«Стохастическая модель прерывания технологической сингулярности в многомерных средах»* — название, которое даже его научный руководитель перечитывал трижды, прежде чем сдать ее и одобрительно кивнуть. Эдуард уже два года увлеченно доказывал, что возникновение разумной жизни во Вселенной подчиняется не законам необходимости, а законам везения — хрупкого, почти невероятного стечения обстоятельств, которые в любой момент могут рассыпаться, как карточный домик от сквозняка.

— Жизнь оптом, — пробормотал он, перечитывая очередной абзац. — Разум поштучно. С браком.

Мысль эта родилась у него неделю назад, в три часа ночи, когда он чистил зубы и смотрел в запотевшее зеркало.

Смотрел на свое собственное отражение и вдруг понял, что отражается в нем не человек, а статистическая погрешность — случайность, которая не должна была случиться, но случилась и теперь пытается осмыслить самое себя.

В зеркале, помимо него, отражались полки с книгами. Тысячи страниц, исписанных другими случайностями. И эта мысль показалась ему настолько ясной и простой, что он даже не пошел досыпать, а сел за стол и набросал основу новой модели: «Галактическая колыбель — не сценарий, а рулетка. Шансы на технологическую цивилизацию сравнимы с вероятностью того, что кучка ржавых палочек, выброшенная на берег, сложится в работающий велосипед».

Тогда, неделю назад, это казалось просто красивой метафорой.

А теперь...

Теперь он сидел в полуподвале, смотрел на свой ноутбук и чувствовал, как холодная волна поднимается от позвоночника к затылку. Рука его дрогнула, и он нажал комбинацию клавиш, открывая файл с таблицами — те самые таблицы, которые он сам же и заполнил, проверяя свою модель на исторических данных Земли.

Земля, разумеется, была единственной известной точкой отсчета. Он брал геологические, климатологические и эволюционные события, которые выглядели как обычные, ничем не примечательные случайности, и вводил их в свою модель как коэффициенты прерывания. Каждый такой коэф-

фициент — капля. А модель показывала, что капли собираются в океан.

Первое прерывание, — подумал он, глядя на экран. — Великое кислородное событие, 2,4 миллиарда лет назад. Тогда цианобактерии отравили атмосферу кислородом и устроили массовое вымирание для анаэробных форм жизни. В своей модели он обозначил это как коэффициент $K1 = 0,73$ — не катастрофа, а просто «неудачное стечение обстоятельств», которое могло бы не случиться, если бы скорость фотосинтеза была чуть ниже. Если бы — и тогда жизнь на Земле могла бы пойти по другому пути, минуя кислородную адаптацию.

Но не пошла.

Второе прерывание, — он перевел взгляд на следующую строку. — Эндосимбиоз, 1,5 миллиарда лет назад. Одна клетка проглотила другую, и та не переварилась. Случайность. Если бы клеточная стенка была чуть крепче — никакой сложной жизни, никакой митохондрии, никакой АТФ в том виде, в котором мы ее знаем. Одни только бактерии, и так до бесконечности. Коэффициент $K2 = 0,61$.

Третье прерывание. Кембрийский взрыв, 540 миллионов лет назад. Внезапное появление сложных многоклеточных организмов. Причина — до сих пор спорят. Возможно — повышение уровня кислорода. Возможно — эволюция регуляторных генов. А возможно — просто повезло. $K3 = 0,54$.

Четвертое. Переход на сушу. 400 миллионов лет назад.

Дышать воздухом оказалось удобнее, чем жабры. Но это не было неизбежностью — просто улитки, которые первыми выползли на берег, сделали это от безысходности. Или от любопытства. Или потому что их съели. $K4 = 0,68$.

Пятое. Пермское вымирание, 250 миллионов лет назад. Самое массовое. Уничтожило 90 процентов видов. Если бы вулканы Сибири извергались чуть слабее, или чуть дольше, или в другом месте — человечества бы не было. Мы бы не сидели сейчас в этой точке пространства-времени. $K5 = 0,39$.

Он перелистнул дальше. Шестое. Седьмое. Восьмое. Каждый раз — мелкая случайность, каждая — пустяк, каждая — могла быть другой.

Девятое. Мел-палеогеновое вымирание, 66 миллионов лет назад. Астероид. Если бы он пролетел на сто километров выше — динозавры бы не вымерли, млекопитающие остались бы в норах, и через шестьдесят шесть миллионов лет по Земле бегали бы разумные ящеры. Или не бегали бы. $K9 = 0,44$.

Десятое. Появление *Homo sapiens*, примерно 300 тысяч лет назад. И тут даже не нужен коэффициент — тут просто десятки тысяч лет, за которые другие виды гоминид вымерли, один за другим, и каждый раз — чуть-чуть. Климат изменился, или конкуренция, или просто неудачный год. $K10...$ Он не рискнул ставить цифру. Слишком близко к сердцу.

И теперь он перемножал эти числа в уме — $0,73 \times 0,61 \times$

$0,54 \times 0,68 \times 0,39 \times \dots$ И на выходе получалась вероятность. Маленькая, смешная, почти неприличная.

Если бы жизнь была продуктом заводским, — подумал он, — такого брака бы не приняли. Вернули бы в цех, переплавили.

Он закрыл таблицы и открыл второй файл. Тот самый, который он начал заполнять вчера, когда ему показалось, что он сходит с ума.

«Признаки прерывания, наблюдаемые в текущий исторический период».

Вчера это была просто игра ума — он смотрел новости, читал отчеты ООН, пролистывал научные журналы и отмечал то, что вписывается в его модель как потенциальные коэффициенты прерывания. То, что его учитель называл «мелкими будничными ошибками», а он сам теперь называл «очередью к апокалипсису».

Признак №1: изменение климата. Температура растет, и скорость роста опережает все прогнозы десятилетней давности. Диссертация Эдуарда называла это «дестабилизацией теплового баланса» — и модель предсказывала, что даже один такой фактор может снизить вероятность выживания технологической цивилизации на 30 процентов за столетие. Но это в теории. На практике же... Он открыл статью про таяние вечной мерзлоты и метановые пузыри, взрывающиеся в Сибири. Это было похоже на кашель пациента перед смертью от пневмонии.

Признак №2: утрата биоразнообразия. Шестое массовое вымирание — так это уже называли в научной литературе. Сейчас вымирает в сотни раз быстрее, чем положено по естественным законам. Снова коэффициенты — они вычислялись из темпов потери видов, и каждый вычеркнутый вид снижал устойчивость системы в целом. В его модели это называлось «эрозией экологических ниш» и означало, что при определенном пороге биосфера перестанет быть самовосстанавливающейся. Порог он рассчитал — 2030 год. Если до этого времени не изменить траекторию, планета войдет в необратимый цикл распада.

Признак №3: социальная фрагментация. Эдуард даже не знал, как назвать это в терминах своей модели. Оползень доверия? Распад коллективного разума? Он смотрел новости — и видел, как мир разваливается на куски, каждый из которых кричит громче других. Поляризация, фейки, войны за ресурсы, которые еще вчера казались такими далекими. Модель предсказывала, что дезинтеграция коммуникаций увеличивает риск технологического коллапса в 2,4 раза. Просто потому, что проблемы перестают быть общими.

Признак №4: технологическая близорукость. Мы изобретаем все более сложные машины, но не понимаем, как они работают в связке с планетарными системами. Мы выпускаем ИИ, который умнее нас в узких областях, но глупее нас в главном. Мы строим алгоритмы, которые усиливают наши ошибки, и делаем это с таким энтузиазмом, будто спе-

шим к финишу.

Вчера он все это записывал как научный курьез — просто провокационные гипотезы, которые можно будет обсудить на конференции.

Сегодня он понял, что не сможет.

Потому что сегодня он открыл третий файл — самый важный. Тот, который он перепроверял десять раз за ночь, сбиваясь и пересчитывая заново.

«Интегральный индекс планетарного прерывания».

Формула, которую он вывел три месяца назад. Сумма коэффициентов, взвешенных по времени, с поправкой на пороговые значения. Результат — число от 0 до 100, где 100 — полная и неизбежная гибель технологической цивилизации в течение пяти лет.

Он ввел новые данные.

Климат — 34 балла.

Биоразнообразие — 28 баллов.

Социальная дезинтеграция — 19 баллов.

Технологический риск — 22 балла.

Энергетический кризис — 31 балл.

Накопление отходов — 17 баллов.

Геополитическая нестабильность — 43 балла.

И еще двенадцать параметров. Каждый — сам по себе «ничего страшного». Просто цифры.

Сумма.

87,6 балла.

Эдуард закрыл ноутбук. Крышка щелкнула, как выстрел — и в тишине полуподвала этот звук показался ему оглушительным.

За окном начался дождь. Капли били в стекло — мелко, равнодушно, будто ничего не случилось. Будто мир не вычислили до самой его сердцевины, до того жуткого числа, которое выходило из формулы:

Три года.

Три года до порога, за которым все коэффициенты становятся необратимыми.

Он вдруг вспомнил, как в детстве смотрел на звезды в деревне у бабушки. Они были такие огромные и близкие, что хотелось протянуть руку и потрогать. Ему тогда казалось — там кто-то есть. Обязательно есть. Не может быть, чтобы такой бесконечный холодный космос был пустым.

А теперь он знал, что космос не пуст. Он полон жизнью — дешевой, массовой, одноразовой. Бактерии на каждом камне, водоросли в каждом океане, плесень на каждой планете, где есть вода и тепло. Но разум — долгий, технологический, способный накопить и передать знания — это редкость. Выигрыш в лотерее, который не стоит почти ничего, потому что билетов на эту лотерею — миллиарды, и все они проигрышные. А те немногие, что выигрывают, оказываются бракованными.

Мы — выигрышный билет, — подумал он, и в горле пересохло. — Выигрышный билет с поддельной голограммой.

Дождь усиливался. Стекло запотело, и мир за ним расплылся в серое пятно.

Эдуард встал, налил себе чаю из старого чайника. Руки дрожали. Он смотрел на пар, поднимающийся от кружки, и думал — это почти то же самое, что метан, который сейчас поднимается из сибирских болот. Парниковый газ, который никто не видит, но который уже изменил все.

Он смотрел на свою кружку с отбитой ручкой, на груды книг на полу, на пыльный монитор — и понимал, что через три года, возможно, всего этого не будет. Не потому что ядерная война или астероид. А потому что постепенно, незаметно, шаг за шагом — мир превратится в то, что его собственная модель называла «терминальным состоянием».

Когда он думал о ядерной войне, он мог представить вспышку. Когда он думал об астероиде — мог представить ударную волну.

Но как представить это?

Как представить — тишину.

Просто долгая очередь из будничных не сложилось. Каздое — пустяк. А вместе — приговор.

Он поставил кружку на стол. Чай остыл, но он этого даже не заметил.

На столе лежал блокнот. Он открыл его на чистой странице и взял ручку. Написал:

«Гипотеза: Планета Земля — единственная в обозримой части Галактики, где технологический разум дожил до по-

пытки выйти в космос. И единственная, где он уже начал разрушать самое себя, даже не осознавая этого.»

Он зачеркнул. Перечитал. Зачеркнул снова.

Потом написал другое:

«Нам не нужна война. Нам не нужен апокалипсис в том смысле, в каком его рисуют голливудские сценаристы. Нам достаточно просто — ничего не менять. Продолжать то, что мы делаем сейчас. И через три года мы войдем в точку невозврата так же незаметно, как вошли в сегодняшний день.»

Он смотрел на эту строчку, и вдруг внутри него что-то оборвалось. Не страх — нет. Более острое, почти физическое чувство.

А если я ошибаюсь?

Он снова открыл ноутбук. Запустил модель. Перепроверил коэффициенты.

Если я ошибаюсь, — подумал он, — то все эти вычисления — просто паранойя. Еще одна теория заговора в бесконечном потоке теорий. А если я прав...

Пальцы замерли над клавиатурой.

Если я прав, то я единственный человек на Земле, который знает, что у нас осталось три года.

Он смотрел на экран, и время текло. Дождь стихал. Чай на столе остыл окончательно. Где-то наверху, над его головой, москвичи жили своей жизнью — ехали на работу, ссорились с женами, слушали музыку в наушниках, покупали продукты

в супермаркетах, переписывались в мессенджерах, строили планы на завтра и на следующую неделю. Не зная, что завтра уже не имеет значения. Что отсчет пошел.

Эдуард закрыл крышку ноутбука, встал, подошел к окну и коснулся ладонью холодного стекла.

За окном, в серой пелене дождя, горел одинокий фонарь. Свет его казался живым и теплым — обманчивый маяк на берегу океана, который уже поднимается, чтобы смыть все.

— *Я знаю, — прошептал он в пустоту. — Я знаю, а вы — нет.*

И тишина ответила ему только шумом дождя и далеким воем сирены. Обычный вечер в большом городе, где миллионы людей готовятся к завтрашнему дню, не зная, что завтрашний день — уже не тот.

Он стоял так долго, пока не почувствовал, что замерз. Потом вернулся к столу, сел и открыл ноутбук снова. Набрал в поисковике:

«Как предупредить человечество о глобальной катастрофе».

Тысячи ссылок. Статьи о климате. О ядерной угрозе. Об ИИ. Об эпидемиях. О тех самых вещах, про которые все знают — и ничего не делают.

Он нажал на первую ссылку. Там было написано: «Ученые бьют тревогу, но правительства не спешат действовать. Причины — политическая инерция, экономические интересы и...»

Он закрыл вкладку.

И ничего не изменится, — подумал он. — Ничего. Потому что никто не любит слушать плохие новости, когда у них есть хорошие. Потому что три года — это слишком долго для политика и слишком мало для планеты. Потому что...

Он вдруг улыбнулся — горько, почти болезненно.

Потому что они подумают, что я сошел с ума.

И в этот момент дождь за окном прекратился. Внезапно, как будто кто-то наверху выключил воду. Стало тихо. И в этой тишине он слышал, как с потолка в полуподвал капает вода. Кап. Кап. Кап.

Каждая капля — пустяк. А вместе они затопят подвал через месяц.

Эдуард встал, взял телефон. Набрал номер своего научно-го руководителя, Александра Петровича.

— Алло? — голос в трубке сонный, недовольный. — Эдик, ты с ума сошел? Два часа ночи.

— Александр Петрович, — сказал Эдуард. — Я вывел формулу. Модель сходится с данными.

— Какая еще формула? Ты о чем?

— Та самая. Высокая вероятность прерывания. Интегральный индекс — 87,6. Три года, Александр Петрович. У нас три года.

В трубке повисла пауза. Эдуард слышал, как на том конце кто-то вздыхает. Шуршит одеяло.

— Эдик, — голос стал мягче, почти отеческим. — Ты пе-

реутомился. Когда ты в последний раз спал нормально? И вообще — ты ел сегодня?

— Александр Петрович, я серьезно. Я проверил данные десять раз. Коэффициенты... они все соответствуют. Каждое число — из открытых источников. Климат, биоразнообразие, социальная напряженность... Я просто перемножил...

— Эдик, — перебил голос. — Ты аспирант, а не пророк. Твоя работа — научная, а не политическая. Если хочешь писать статьи на животрепещущие темы — иди в журналисты. А мне позвони завтра в рабочее время.

— Но...

— Все, спи. И пожалуйста — не звони больше ночью. Я тоже хочу спать.

Гудки.

Эдуард посмотрел на телефон. На черном экране отражалось его собственное лицо — бледное, с кругами под глазами, с безумным блеском в зрачках.

Похож на сумасшедшего, — подумал он. — Даже я бы себе не поверил.

Но он верил.

Он сел обратно за стол, открыл ноутбук и начал писать. Не диссертацию — письмо. Обыкновенное электронное письмо, адресованное в никуда, во все возможные инстанции сразу.

«Уважаемые коллеги. Я, Русов Эдуард, аспирант кафед-

ры астрофизики и космологии, обращая ваше внимание на чрезвычайную ситуацию планетарного масштаба. Мои расчеты показывают, что при сохранении текущих тенденций...»

Он остановился.

Они не прочитают. Или прочитают, но не поверят. Или поверят, но не станут ничего делать.

Он удалил письмо.

Но если не я, то кто?

Долго сидел в темноте, глядя на экран, на котором горела пустая строка. Потом написал:

«Мне нужен другой язык. Язык, который они поймут. Не цифры, не формулы... а что-то, что заставит их почувствовать.»

Он поднял глаза и посмотрел на книжную полку. Там стояли романы — проверенная временем литература, которую он читал в перерывах между научными статьями.

Искусство. Смех. Литература, — всплыло в голове. — Люди не верят цифрам, но верят историям.

И тогда он понял, что ему нужно делать.

Не писать статьи.

Создавать движение.

Эдуард открыл новый документ и написал заголовок:

«Колыбель Паникеров».

Он смотрел на эти слова и улыбался. Первый раз за этот вечер. Улыбка была странной — почти безумной, почти

счастливой.

Пусть они смеются, — подумал он. — Пусть смеются. Главное, чтобы они задумались.

Он начал писать манифест.

...

А за окном, над спящим городом, медленно и торжественно взошла луна, и свет ее упал на мокрый асфальт, и в этом свете все казалось красивым и нерушимым. И ни один человек не знал, что этот свет — последний. Что вселенная смотрит на маленькую планету и в очередной раз делает ставку на то, что ее разумные обитатели не справятся.

Но Эдуард Русов знал.

И в этом знании, как ни странно, была его последняя надежда.

Глава вторая

Очередь

Манифест он писал три дня. Три дня без сна, почти без еды, только чай и сигареты, только мерцание экрана и бесконечное переписывание одной и той же мысли: *«Мы стоим в очереди, но не знаем, за чем. Мы движемся к прилавку, за которым — пустота. И каждый шаг приближает нас к ней, потому что очередь — это не путь, это ожидание конца. А конец наступит не тогда, когда мы дойдём, а когда мы поймём, что идти больше некуда».*

Он назвал это «Колыбелью паникёров» не случайно. В слове «колыбель» слышалось что-то тёплое, почти нежное — то, чего так не хватало в его расчётах. Если формулы говорили о смерти, то колыбель обещала рождение — пусть даже это рождение было лишь осознанием собственной гибели. Он хотел, чтобы люди, прочитав его манифест, почувствовали себя детьми, которых качают на руках перед долгой дорогой. Дорогой в никуда.

Он выложил манифест на своей странице в соцсетях. Написал краткое вступление: «Друзья, я не шучу. Я не хочу вас пугать, но у нас осталось три года, чтобы изменить всё. Прочитайте. Подумайте. И, если сможете, — присоединяйтесь».

Первые комментарии появились через час.

«Очередной конспиролог. Ты бы ещё про рептилоидов написал».

«Эдик, ты перегрелся. Пей валерьянку».

«Три года? А у меня сессия через две недели, и это страшнее».

Он сидел и читал, и его пальцы сжимались в кулаки. Он хотел ответить каждому — объяснить, доказать, привести цифры. Но потом понял: в этих комментариях не было злобы. Было только привычное, ленивое неверие, та самая будничная беспечность, которая и была главным врагом. Люди не смеялись над ним — они просто не могли поверить, потому что вера требует усилия, а удобное неверие — нет.

На третий день ему написал неизвестный пользователь с ником «Хронос». Сообщение было сухим и деловым:

«Русов, я прочитал ваш манифест. Идея интересная, но вы подаёте её как проповедь, а это ошибка. Люди не любят пророков, они любят цирк. Если вы хотите, чтобы вас услышали, сделайте из этого шоу. Я могу помочь. Встретимся?»

Эдуард колебался. Он ненавидел слово «шоу», оно звучало как издевательство над его тревогой. Но внутри уже зрело отчаяние, которое способно переломить любую гордость. Он согласился.

Встреча состоялась в кофейне на Покровке — шумное место, где пахло обжаренными зёрнами и искусственным оптимизмом. Хронос оказался мужчиной лет сорока, с гладким лицом политтехнолога и внимательными глазами, которые,

казалось, взвешивали каждое слово собеседника на невидимых весах. Его звали Кирилл, и он представился как «специалист по информационным кампаниям».

— Эдуард, — сказал он, помешивая латте. — Вы пишете о катастрофе, но никто не чувствует катастрофы, потому что у неё нет лица. Нет взрыва, нет крови, нет монстра. Поэтому люди проходят мимо. Если вы хотите, чтобы они остановились, вы должны дать катастрофе форму. Сделать её зрелищем.

— Я не хочу зрелища, — ответил Эдуард. — Я хочу, чтобы они поняли.

— А они не поймут, пока не увидят. Понимание — это роскошь, доступная единицам. Остальным нужен образ. Так устроен человек.

Кирилл достал из портфеля папку и положил на стол.

— Вот проект. «Партия паникёров». Звучит абсурдно, но абсурд привлекает внимание. Мы регистрируем партию, вы — лидер, я — технолог. Мы идём на выборы. Не для того, чтобы победить — для того, чтобы создать повестку. Ваши «три года» станут мемом. Люди начнут обсуждать, спорить, искать информацию. И в этом поиске они наткнутся на ваши расчёты. Понимаете? Это не политика, это — вброс идей через подковёрную борьбу.

Эдуард смотрел на папку, как смотрит на гильотину человек, который сам выбрал себе казнь. Внутри него боролись две правды. Одна говорила: «Это унижительно, это про-

фаназия, ты станешь клоуном». Другая шептала: «Но если это сработает, если хоть один человек задумается — разве не стоит?»

— А что, если они просто посмеются и пройдут мимо? — спросил он.

— Тогда вы ничего не теряете, — улыбнулся Кирилл. — Вы и так уже смешны для них. А если добавить к смеху смысл, то смех станет оружием. Вы читали Сервантеса? Дон Кихот смешон, но именно его смех заставляет нас смотреть на мир иначе.

Эдуард закрыл глаза. Перед ним проплыли таблицы — те самые, с коэффициентами прерывания. К1, К2, К3... они складывались в единое целое, и это целое было неумолимо, как течение реки. Он представил себе людей, которые будут голосовать за «партию паникёров», выходя из кабинок с улыбкой. Они не поверят, но хотя бы услышат слово «три года». И может быть, через полгода, когда очередное наводнение смоев прибрежный город, кто-то из них вспомнит его манифест и свяжет два события. И тогда — щелчок. Понимание.

— Хорошо, — сказал он, не открывая глаз. — Я согласен.

Кирилл хлопнул в ладоши, и в этом хлопке слышался привкус успеха, но Эдуард почувствовал только горечь. Он продавал свою тревогу на рынке абсурда, и это казалось единственным способом не дать ей умереть в безмолвии.

Однако первые же шаги подтвердили его опасения. Ре-

гистрация партии в Минюсте обернулась бюрократическим кошмаром — им отказали трижды из-за «несоответствия названия морально-этическим нормам». В соцсетях появились мемы с его лицом, наложенные на фотографии тонущего «Титаника». Журналисты позвонили ему после полуночи и задавали одни и те же вопросы: «Вы серьёзно? Вы считаете себя пророком? Сколько вы выпили перед тем, как написать манифест?»

Он отвечал одно и то же: «Я не пророк, я математик. Я просто перемножил вероятности». И каждый раз чувствовал, как его слова разбиваются о стену непонимания, как капли дождя о стекло.

Через неделю Кирилл пришёл с новостями.

— У нас есть первые сторонники, — сказал он, открывая ноутбук. — Около трёхсот человек подписались под петицией о регистрации. Но — внимание — все они известны в узких кругах как фрики, айтишники, бывшие диссиденты. Общественное мнение считает их чудаками. Если мы хотим расширить аудиторию, нам нужно сменить тактику. Политика — это тупик, пока мы не наберём критическую массу.

— Я знал, — ответил Эдуард, чувствуя, как внутри него гаснет последняя искра надежды. — Политика — это для тех, у кого есть время. У нас его нет.

Он вышел из офиса Кирилла и побрёл по ночным улицам. В Москве уже выпал первый снег — жалкий, тающий на асфальте, похожий на слезы. Он смотрел на прохожих, на их

лица, спрятанные в шарфы, на руки в перчатках, сжимающие стаканы с кофе. И думал: «Каждый из них несёт в себе маленькую случайность. Каждый — частица той длинной очереди, которая тянется к концу. А они не знают. Они топропятся домой, к теплу, к ужину, к сериалам. Им хорошо. И это хорошо — их убивает».

Он зашёл в круглосуточный магазин, купил бутылку воды и хлеб. В очереди на кассу стояло три человека. Первый — пожилая женщина с охапкой лекарств. Второй — уставший мужчина в спецовке, державший две банки пива. Третий — девушка с телефоном, что-то увлечённо печатающая, возможно, спорящая с кем-то в сети. Эдуард смотрел на них и вдруг увидел ту самую очередь, о которой он написал в своём манифесте. Только она была не метафорой. Она была реальной — здесь и сейчас.

Вот женщина ставит лекарства на ленту. Каждая упаковка — маленькое «не сложилось». Ей нужны таблетки от давления, потому что экология города делает сердце слабее. Это К1. Вот мужчина — он идёт с ночной смены, и его организм уже не справляется, но он продолжает, потому что надо кормить семью. Это К2. Девушка — она печатает гневный пост о политиках, не замечая, что её пальцы на холоде побледнели, а в мире уже теплеет на полтора градуса. Это К3.

— Молодой человек, вы будете оплачивать? — спросила кассирша, и Эдуард очнулся. Он поставил свою бутылку и хлеб на ленту, посмотрел на кассиршу — милую, усталую

женщину лет пятидесяти с накрашенными ресницами, которые уже начали осыпаться.

— Скажите, — спросил он вдруг. — Вы боитесь смерти? Она удивлённо взглянула на него, потом усмехнулась.

— Боюсь, конечно. Но не сейчас, — ответила она, пробирая товар. — Сейчас некогда. Вон, очередь.

Она кивнула на людей за спиной Эдуарда. И он понял, что ответ его всегда лежал на поверхности. Очередь — это не конец. Очередь — это способ не думать о конце. Пока ты стоишь, пока ты двигаешься к кассе, пока оплачиваешь и уходишь, ты занят. Ты делаешь маленькое дело, и в нём растворяется большое. Это и есть «невынужденные и незаметные трагические ошибки».

Он вышел из магазина, зашёл в подъезд, поднялся к себе в полуподвал. Сел за стол и открыл ноутбук. В голове уже зрел план, который был одновременно безумным и единственно возможным.

«Если политика — это смешно, — думал он, — значит, смех может стать лекарством. Если люди не верят цифрам, пусть они поверят историям. Если они не хотят знать правду, пусть они увидят её в кривом зеркале сатиры».

Он начал писать не манифест — рассказ.

Это была история о планете, где все жители стояли в очереди. Очередь была бесконечной — она опоясывала экватор и уходила в космос. Люди рождались в очереди, выросли, старели и умирали, так и не добравшись до прилавка. Но они

не пытались выйти из очереди, потому что это было запрещено законом. Только один человек решил выйти и посмотреть, что же там, впереди. Он обошёл всю очередь, дошёл до самого её начала и увидел прилавок. За прилавком сидел старик с весами и раскладывал камни: каждый камень — это прожитый год. А в конце прилавка была пропасть. И каждый, кто подходил к прилавку, получал свой камень, бросал его в пропасть и исчезал. И никто не возвращался.

Рассказ он назвал «Прилавок».

Он выложил его в интернет не как научный труд, а как литературу — на сайтах самиздата, в рассказческих сообществах. И, к его удивлению, рассказ начал расходиться. Люди комментировали, обсуждали, делились. «Это про нас?», «А что, если мы действительно стоим в очереди?», «У меня мурашки». Кто-то переписывал концовку, кто-то предлагал продолжение. Рассказ стал вирусным в небольших кругах, и к нему присоединился шлейф комментариев, в которых возникало то самое слово — «паникёры».

Эдуард не знал, что это происходит по двум причинам. Первая — люди устали от фальшивого оптимизма новостей, им хотелось честной тревоги. Вторая — за сутки до публикации случилось событие, которое он учёл в своих расчётах, но о котором не думал как о предвестнике: в Норвегии, на архипелаге Шпицберген, внезапно потеплело на десять градусов за двое суток, и ледник, который считали стабильным, начал трескаться с таким звуком, что его было слышно на

расстоянии ста километров. Новости об этом прошли короткой строкой, но люди почувствовали — что-то меняется. И рассказ Эдуарда попал в резонанс с этим ощущением.

Через две недели ему написали из небольшого издательства с предложением напечатать сборник его текстов. А ещё через неделю в его полуподвале собрались двенадцать человек — те самые «чудаки» и «фрики», которые увидели в его словах не просто метафору, а программу.

Они сидели на складных стульях, пили тот же чай и говорили. И Эдуард вдруг почувствовал, что его одиночество перестало быть абсолютным.

— Мы — «Колыбель», — сказала девушка по имени Наташа, художница, которая рисовала его рассказ в виде комиксов. — Мы не партия, мы — сообщество. Мы будем сеять панику, но панику конструктивную. Через искусство, через юмор, через абсурд — мы заставим их смотреть.

— Но у нас три года, — сказал Эдуард. — Это слишком мало.

— Три года — это тысяча дней, — ответил молодой парень, программист, который предложил сделать веб-проект с обратным отсчётом, где каждый день будет показывать новый коэффициент прерывания. — Тысяча дней — это тысяча шагов. Если мы не успеем спасти планету, мы успеем хотя бы изменить сознание. А если изменить сознание, то, может быть, мы и планету спасём.

Эдуард смотрел на них и думал: «Они такие же сумасшед-

шие, как я. Или просто уставшие от нормальности. Но что-то в них есть — то самое, что не поддаётся формуле. Может, это и есть разум? Не тот, технологический, который считает вероятности, а тот, человеческий, который способен верить вопреки всему».

Той ночью они написали первые двадцать страниц «Колыбели паникёров» — не устава, а манифеста-инструкции, как осознать надвигающуюся гибель и не сойти с ума. Они смеялись, спорили, иногда замолкали, и в этих паузах слышалось то самое дыхание планеты, которое уже становилось прерывистым.

Эдуард сидел у окна и смотрел на уличный фонарь. Снегопад усилился, и теперь свет дробился в хлопьях, создавая бесконечное мерцание. Внутри него боролись два чувства — отчаяние и надежда, но теперь отчаяние казалось меньше, а надежда — больше. Он вспомнил свою модель: «жизнь оптом, разум поштучно». А что, если разум можно умножить? Что, если смех, искусство, литература — это такие же катализаторы, как кислород для многоклеточных? Может быть, эволюция сознания не ограничивается биологией, она продолжается в культуре. И тогда его партия — не утопия, а новый этап.

Он открыл блокнот и написал:

«Мы привыкли думать, что разум — это свойство индивида. Но, возможно, разум — это свойство популяции. Как стая птиц, которая меняет направление без приказа. Я не

могу заставить весь мир изменить курс, но я могу создать стаю. Хотя бы из двенадцати. Хотя бы из одного — если я сам изменю своё направление».

Дождь за окном кончился. Вместо него падал снег — мягкий, почти невесомый, похожий на пепел. Эдуард смотрел, как он покрывает асфальт, и думал, что каждый слой снега — это ещё одна маленькая случайность, которая может стать большой. Или не стать. Но пока он пишет, пока он дышит, пока рядом есть люди, которые читают и кивают, — мир ещё не кончился.

Он закрыл блокнот, отошёл от окна, и на его лице — впервые за эти недели — появилась улыбка. Без горечи. Почти детская.

Завтра он начнёт писать новую главу. Не формулу — историю. Историю о том, как одна планета пыталась осознать себя и почти успела, но опоздала на один вздох. Или не опоздала.

Время покажет.

А пока — шёл снег, и в маленьком полуподвале на улице Вавилова горел свет. Свет, в котором двенадцать человек переписывали судьбу мира так, как умеют только безумцы, — строчка за строчкой, шутка за шуткой, и каждый новый абзац был как ещё одна капля в чашу, которая или переполнится, или разобьётся.

Эдуард включил настольную лампу, положил перед собой чистый лист бумаги и вывел первое предложение:

«Они стояли в очереди и не знали, что очередь — это не путь, а ожидание. Но однажды кто-то спросил: „А что мы ждём?“ — и тишина была ему ответом, потому что никто не помнил, с чего всё началось, но все боялись узнать, чем закончится».

Снег за окном падал всё гуще, укрывая город белым саваном, и в этой тишине слышалось то, что не слышали спящие люди, — тиканье невидимых часов, которые отсчитывали последние дни. Но Эдуард не боялся тиканья. Он писал. И пока он писал, время переставало быть врагом. Оно становилось материалом.

Он закончил главу и посмотрел на часы — было четыре утра. Завтра предстоял новый день, новая битва, новые надежды. Он знал, что его ждёт: насмешки коллег, неверие властей, усталость и сомнения. Но у него было главное — он больше не был один.

В углу комнаты спала на кресле Наташа, уронив карандаш на пол. Программист уже ушёл, обещав сделать сайт к утру. Остальные разошлись, но полуподвал ещё хранил их голоса, их смех, их слова, которые теперь складывались в общий хор.

Эдуард встал, подошёл к окну и прижался лбом к холодному стеклу. Снаружи, в белой мгле, проступали очертания спящего города. Тысячи окон, тысячи судеб, и почти ни одного, кто знает правду. Но теперь он знал, что правда не умирает, если о ней говорят. Даже если говорят шёпотом.

Он прошептал в пустоту:

— Мы ещё успеем. Или нет. Но если нет — мы хотя бы попытались.

И снег за окном, казалось, падал чуть медленнее, прислушиваясь к этим словам. А луна, пробиваясь сквозь тучи, освещала крошечную комнату, где человек писал историю своего времени, не зная, станет ли она последней или первой.

Так начался второй день «Колыбели паникёров». И в нём было больше жизни, чем во всех предыдущих годах его существования.

Глава третья

Смех сквозь слёзы

Они выбрали дату первого публичного выступления — первое декабря, день, когда в Москве обычно начинается настоящая зима. Эдуард стоял за кулисами маленького клуба на окраине, где пахло сыростью и старым деревом, и смотрел на сквозь щель в занавесе на зал. Там собралось около сотни человек — не триста, как обещал Кирилл, но и не двенадцать, как в его полуподвале. В основном — молодые, с горящими глазами, с телефонами в руках, готовые снимать и выкладывать в сеть каждое его слово. Среди них мелькали знакомые лица: Наташа с блокнотом для набросков, программист Андрей с ноутбуком, несколько незнакомых людей в очках и свитерах. Все они пришли послушать «сумасшедшего аспиранта», который утверждает, что у планеты осталось три года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.